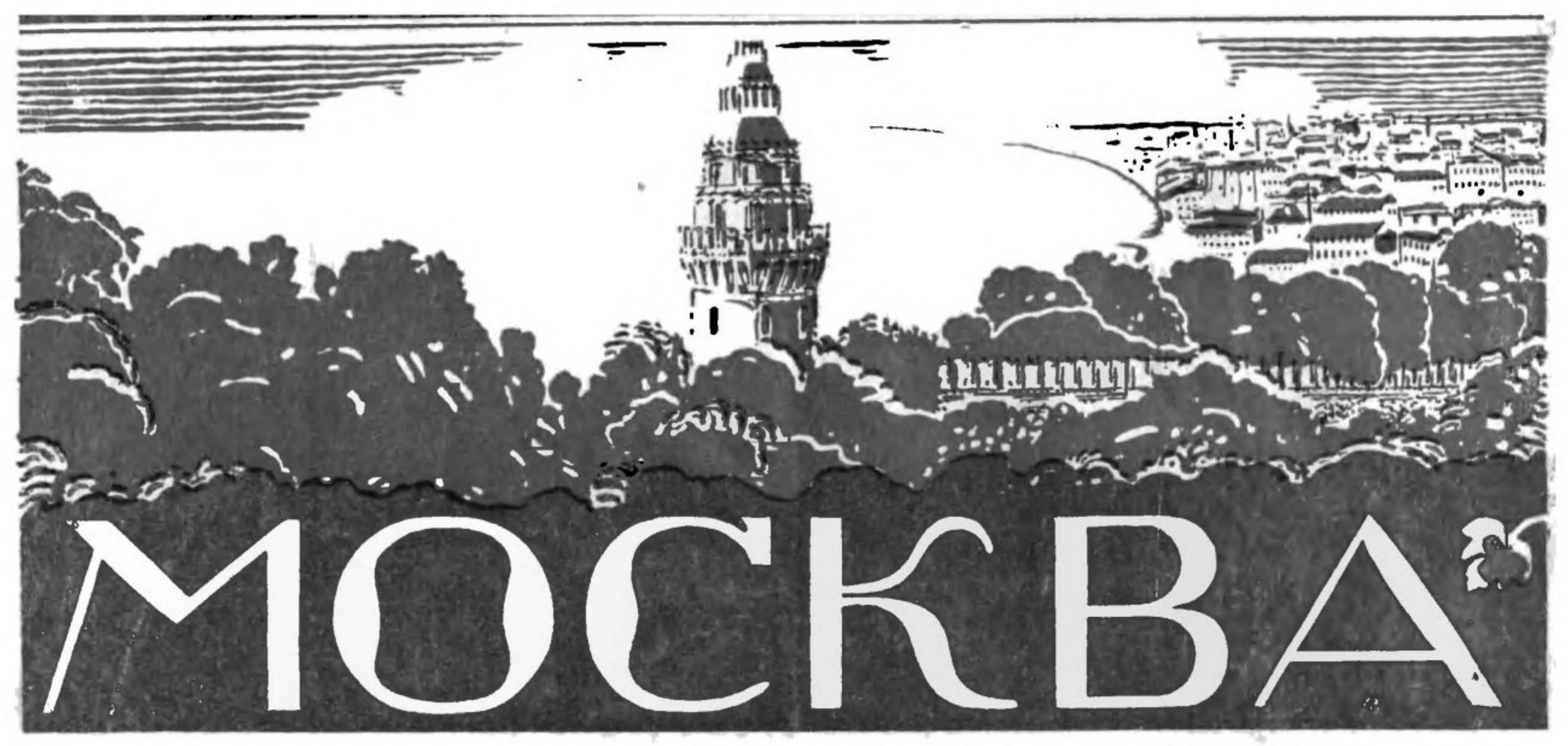
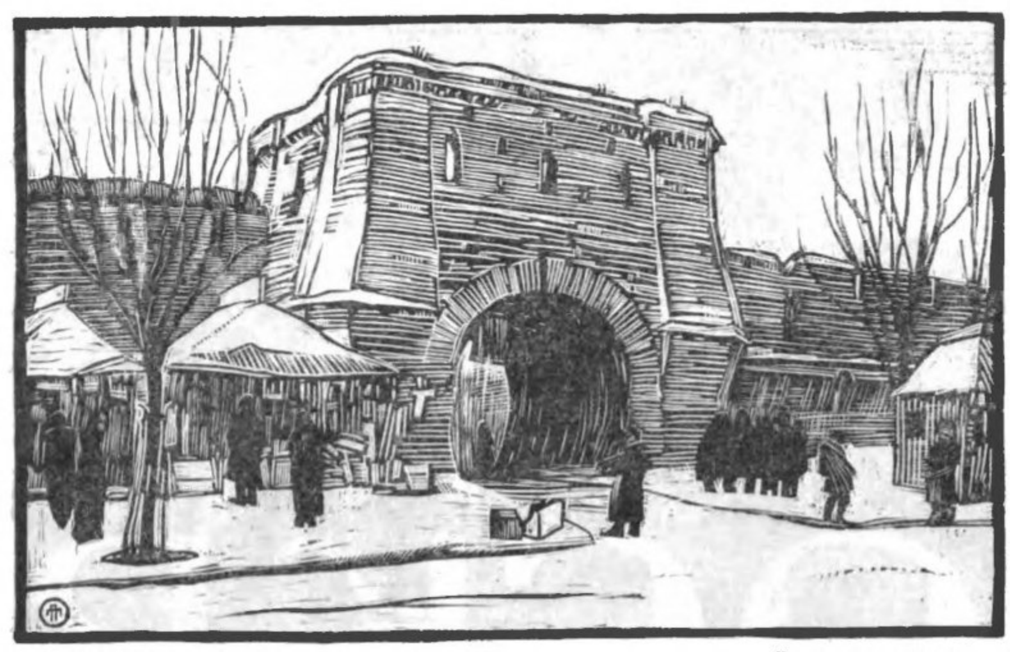

Н. Купреяновъ. Броневики (гравюра на деревѣ).

П. Павлиновъ. Гравюра на деревѣ.

К. Бальмонтъ

ВЕРХОВНЫЕ КОНИ.

Въ небесахъ серебряные кони,
Бѣшено несутся табуны.
Вѣтромъ возносимыя погони
Отъ земли до верхней вышины.

На землѣ обильны водоемы,
Излучила влага лишекъ силъ
И желаютъ будущіе громы,
Чтобъ изломомъ пламень ихъ пронзилъ.

У коней замѣдилися гривы,
Бронзовыми стали табуны,
И одни изъ нихъ упрямо сивы,
И другіе потемнѣть должны.

А еще другіе, съ гривой красной,
Съ гривой рыжей, рьянѣе другихъ,
Обгоняютъ всѣхъ стезей опасной,
Въ небѣ зрѣетъ искрометный стихъ.

Ближе закрѣпляющійся шорохъ
Призрачныхъ несчитанныхъ копытъ,
Развернулся хлопьевъ дымный ворохъ,
Каплями надземный воздухъ взрытъ.

Завершились рдяныя погони,
Добѣжалъ табунъ до табуна,
И заржали бронзовые кони,
Раздробивъ оплотъ изъ чугуна.

ВОРОЖБА.

Въ росинкѣ радуга дрожала,
Но это длилось очень мало.

И лучъ, росинку всю въ алмазъ
Одѣвъ, испилъ ее сейчасъ.

Алмазъ онъ всѣмъ ея подругамъ
Излилъ, блуждая свѣтлымъ лугомъ,

И въ каждой глянувъ блескомъ силъ,
Ее лучистую испилъ.

Ярился лучъ. А въ это время,
Качая золотое стремя,

Лицомъ подобный весь зарѣ,
Поѣхалъ всадникъ по горѣ.

Гора раскинувшись безбрежно,
Сперва казалась бѣлоснѣжна.

Потомъ любой ея изломъ
Одѣлся въ мракъ, въ огонь, и въ громъ.

Былъ мракомъ всадникъ зачарованъ,
И конь былъ пламенемъ подкованъ.

Росинки выпитыя всѣ
Сплелись въ серебряной красѣ.

И по расщелинамъ, разбитымъ
Огнепылающимъ копытомъ,

Шепнувши: „Сестры! Намъ пора!"
Текли потоки серебра.

За дальній край горы высокой
Уѣхалъ всадникъ огнеокій,

Цвѣтной оставя въ небѣ мостъ,
И бросивъ книзу брызги звѣздъ.

Александръ Блокъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Не нарушай гармоніи моей —
Въ ней все свѣтло и все духовно.
Когда и ты душой отвѣтишь ей,
Съ тобой мы связаны любевно.

Но если ты погасишь свѣтъ,
Смутишь на мигъ затишье моря,
Тогда—прощай. Любви межъ нами нѣтъ
Одно сухое, горестное горе.

II.

Полна вечерняго томленья,
Душа замолкла, не поетъ.
Пошли, Господь, успокоенье
И очищенье отъ заботъ.

Дыханіемъ живящей бури
Дохни въ удушливой тиши
На вечерѣющей лазури,
Для вечерѣющей души.

III.

О, презирать я васъ не въ силахъ,
Я проклинать и мстить готовъ!
Сегодня всѣхъ, когда-то милыхъ,
Изъ сердца выброшу боговъ!

Но день пройдетъ, и въ сердце снова
Ворвутся, не боясь угрозъ,
Слѣпые призраки былого,
Толпы вчера прошедшихъ грезъ!..

IV.

Грустно и тихо у берега соннаго
Лодка плыветъ — ты дремли.
Я разскажу про мечты, озаренныя
Прежнею лаской земли.

Только остались у берега соннаго
Утлыя въ лодкѣ мечты,
Въ этихъ мечтахъ—навсегда отдаленная
Ты, Лучезарная, Ты...

Валерій Брюсовъ.

MEMENTO MORI.

СОНЕТЪ.

ИМПРОВИЗАЦІЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ
14 мая 1913 г.

Ища забавъ, быть можетъ, Сатана
Является порой у насъ въ столицѣ:
Одѣтъ изысканно, цвѣтокъ въ петлицѣ,
Рубинъ въ булавкѣ, грудь надушена.

И улица шумитъ предъ нимъ, пьяна:
Трамваи мчатся длинной вереницей.
По ней читаетъ онъ, какъ по страницѣ
Открытой книги, что вся жизнь—гнусна.

Но встрѣтится въ толпѣ шумливо-тѣсной
Онъ съ дѣвушкой, наивной и прелестной,
Въ чьихъ взорахъ ярко свѣтиться любовь.

И вспыхнетъ злость у Дьявола во взорѣ,
И, исчезая изъ столицы вновь,
Прошепчетъ онъ одно: „Memento mori!“

БОЛЬШЕ НИКОГДА.

Когда Данте проходилъ по улицѣ, дѣвушки шептали: „Видите, какъ лицо его опалено адскимъ пламенемъ!“
Лѣтописецъ XIV вѣка.

Больше никогда на нѣжное свиданье
Не сойду я въ садъ, обманутый луной,
Не узнаю сладкой пытки ожиданья
Гдѣ нибудь подъ старой царственной сосной.

Ликъ мой слишкомъ строгій, какъ пѣвца Inferno,
Дѣвушекъ смущаетъ тайной прошлыхъ лѣтъ,
И когда вдоль улицъ прохожу я мѣрно,
Шопотъ потаенный пробѣгаетъ вслѣдъ.

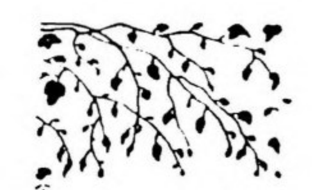
Больше никогда, подъ громкіи говоръ птички,
Не замру вдвоемъ у звонко-шумныхъ струй...
Въ прошломъ—счастье встрѣчи, въ прошломъ—Беатриче,
Жизни смыслъ дающій робкій поцѣлуй!

Въ строфахъ многозвучныхъ, съ міровой трибуны,
Можетъ быть, я вскрою тайны новыхъ дней...
Но въ отвѣтъ не встрѣчу взглядъ смущенно-юный
И въ толпѣ не станетъ чей-то ликъ блѣднѣй.

Можетъ быть, предъ смертью, я вѣнокъ лавровый
Смутно угадаю на своемъ челѣ...
Но на немъ не лягутъ, какъ цвѣтокъ пунцовый
Губы молодыя, жаркія во мглѣ.

Умираютъ молча на устахъ признанья,
Въ мысляхъ скорбно таютъ страстныя слова..
О, зачѣмъ мнѣ снятся лунныя свиданья,
Сосенъ мягкій сумракъ и въ росѣ трава!

Валерій Брюсовъ

MISCELLANEA

Все своеобразіе русской исторіи, русскаго быта, изъ-за которыхъ долгое время европейцы считали насъ азіатами, истекаетъ изъ Москвы. Москва обращена лицомъ къ Азіи, Кіевъ стоитъ на Днѣпрѣ, стекающемъ въ Черное море, на побережьяхъ котораго культурную жизнь насаждали эллины, римляне, генуэзцы. Москва стоитъ на притокѣ Оки, которая, вмѣстѣ съ Волгой, уходитъ въ Каспійское море, — къ областямъ, гдѣ царили сначала массагеты, воевавшіе съ Киромъ, потомъ Чингизъ-ханъ и Тимуръ. Отъ Западной Европы Москва отрѣзана топями и болотами Пинска, недовысохнувшимъ дномъ древняго моря. Нужно было изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ, чтобы преодолѣть это препятствіе. Въ XX вѣкѣ, конечно, отъ Москвы стало ближе до Парижа, чѣмъ до Урала. Не такъ было въ XVIII вѣкѣ, и Петръ былъ правъ, повернувъ Русь къ Балтійскому морю: онъ вдругъ ввелъ Россію въ семью „сѣверныхъ державъ", презрѣвъ всю ея исторію, которая ее тянула къ югу. Екатерина пыталась исправить это своимъ „греческимъ проектомъ", но, должно-быть, уже было поздно.

*

Искусства дѣлятся на пластическія и мусическія; первыя — для глаза, вторыя — для слуха. Созданія пластическихъ искусствъ, — зодчества, ваянья, живописи, — существуютъ въ пространствѣ; мусическихъ, — музыки, поэзіи, — во времени. Поэтому первыя создаются разъ навсегда. Зодчій строитъ дворецъ или храмъ, и они могутъ стоять вѣка; скульпторъ ваяетъ статую, или художникъ пишетъ картину, и оба отдаютъ свое произведеніе зрителямъ, только закончивъ его. Произведенія мусическихъ искусствъ, по существу, должны восприниматься во время самого процесса творчества. Такъ оно и было первоначально: пѣвецъ импровизовалъ пѣсню или музыкантъ — свою мелодію на флейтѣ; слушатели восхищались, но съ послѣднимъ звукомъ, прозвучавшимъ во времени, и пѣсня и мелодія кончали свою жизнь навсегда. Слѣдующій разъ и музыканту, и пѣвцу предстояло творить заново. Великое изобрѣтеніе письма (а позднѣе — книгопечатанія) измѣнило это: пѣсня и музыка вдругъ пріобрѣли пространственное существованіе. Онѣ даже стали долговѣчнѣе, нежели пластическія созданія: дворецъ можетъ сгорѣть, статуя — разбиться, картина — истлѣть, но книга, вѣчно возобновляемая, переживаетъ тысячелѣтія. Не должно, однако, забывать, что это — лишь результатъ успѣховъ техники.

*

Если существуютъ искусства для глаза и для слуха, то невозможно ли искусство для обонянія, для вкуса, для осязанія? Попытки, скорѣе комичныя, въ этихъ направленіяхъ уже дѣлались. Гегель, въ „Эстетикѣ", заранѣе ихъ осудилъ и былъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, искусства эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, были бы или временныя, или пространственныя. Но, напр., воображаемое художественное созданіе для вкуса должно было бы быть, при своемъ воспріятіи, уничтожаемо именно въ своей пространственной формѣ. Говоря проще, намъ пришлось бы съѣдать или выпивать такое произведеніе искусства, т.-е. отрицать самую его форму! Это что-то въ родѣ того, какъ если бы для слушанія музыки было необходимо рвать струны. „Обонятельное" искусство (конечно, временное) — скорѣе мыслимо, но требуетъ еще изобрѣтенія соотвѣтствующихъ инструментовъ, аналогичныхъ музыкальнымъ.

*

Театральное искусство не есть только отрасль поэзіи, но самостоятельно. Въ поэзіи матеріалъ — слова; на сценѣ матеріалъ — образы, воплощенные актерами. Искусство театра — истинное временно-пространственное, тогда какъ поэзія — только временное. Безъ творчества актера нѣтъ искусства театра, а есть только чтеніе разными лицами драмы. Актеръ, играя на сценѣ, перестаетъ быть посредникомъ-исполнителемъ, но становится художникомъ-творцомъ. О долговѣчности театральнаго искусства должно сказать то же, что о пластикѣ: надо еще изобрѣсти „письмена сцены".

*

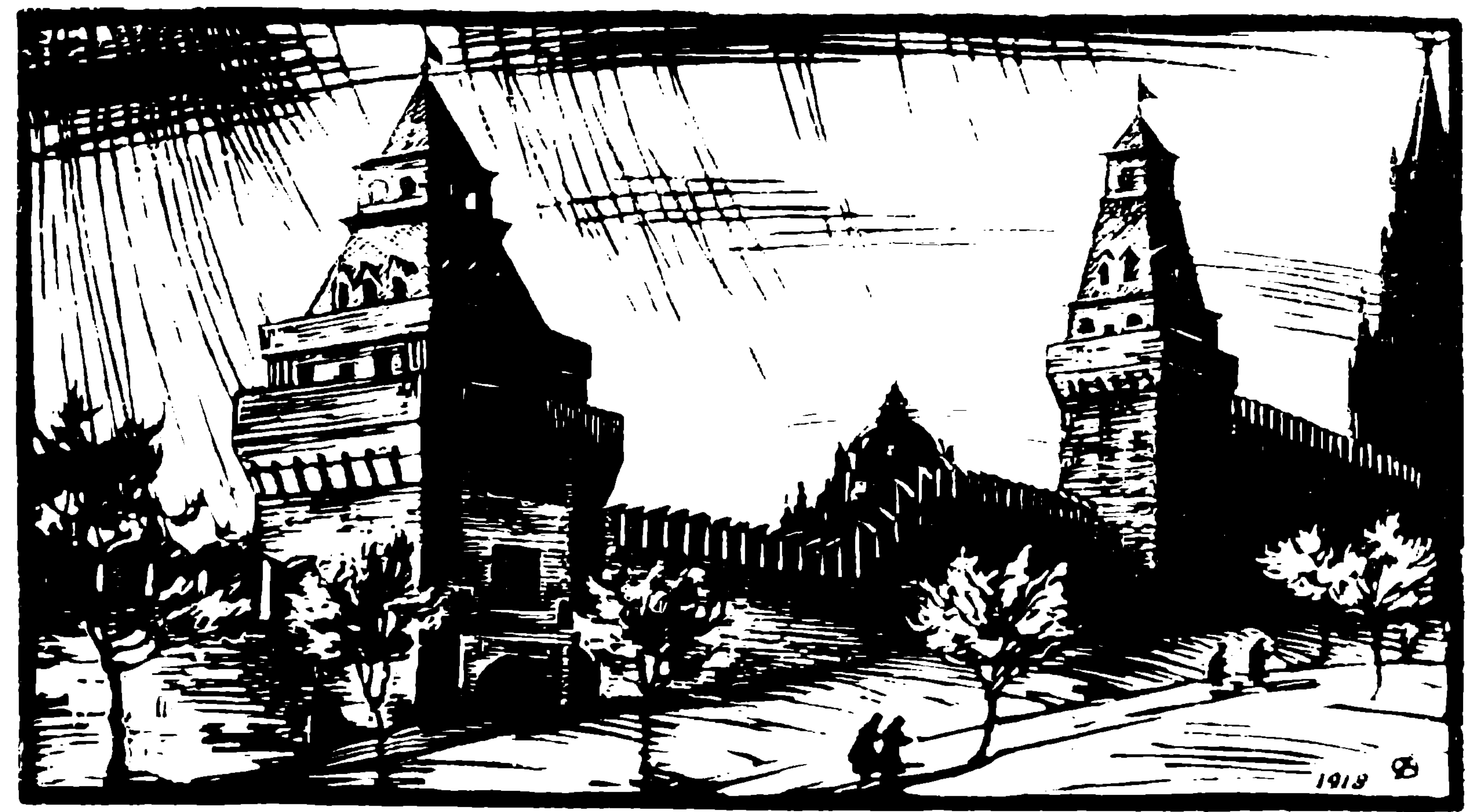
И все же произведенія мусическихъ искусствъ могутъ восприниматься только въ процессѣ творчества: это лежитъ въ ихъ существѣ, какъ искусствъ временныхъ. Пусть въ наши дни музыкантъ не импровизируетъ, но между композиторомъ и слушателемъ всталъ исполнитель: онъ, исполняя музыку, вновь творитъ однажды сотворенное. То же самое — относительно поэзіи. Въ идеалѣ необходимъ исполнитель-чтецъ, который тоже творилъ бы вновь стихи своимъ чтеніемъ. Но и тогда, когда мы читаемъ стихи молча, глазами, исполнитель существуетъ: это мы сами, — мы соединяемъ въ одномъ лицѣ исполнителя и слушателя. Между тѣмъ, при созданіяхъ пластическихъ искусствъ исполнитель не нуженъ, художникъ отдалъ намъ свое твореніе, а самъ скрылся. Поэтому зданія, статуи, картины могутъ быть и бываютъ анонимны (почти все античное искусство); поэзія и музыка всегда носятъ печать автора, хотя бы и не было его подписи.

*

Существуютъ гибридныя формы искусства, пространственно временнаго. Такова — пластика (танцы). Движенія танцующихъ мы воспринимаемъ глазами, но эти движенія должны протекать во времени. Любопытно, что, какъ искусство, еще мало, сравнительно, развитое, танцы подчиняются первичному закону мусическаго творчества: они творятся лишь на одинъ разъ или, по меньшей мѣрѣ, лишь для одного ряда разъ. Только въ самое послѣднее время найдены письмена для записыванія балета. Кто знаетъ, не превратятъ ли успѣхи техники и балетъ в пространственныя созданія, и не будутъ ли любители слѣдующихъ десятилѣтій покупать въ особыхъ магазинахъ балеты такого-то года, какъ мы покупаемъ сборникъ стиховъ, вышедшій полвѣка назадъ?

*

„Сліяніе искусствъ" есть не мечта, не идеалъ, а противорѣчіе въ терминахъ. Сущность каждаго искусства — отвлеченіе. Какъ физика разсматриваетъ лишь физическія свойства явленія, отвлекаясь отъ другихъ; химія — лишь химическія; механика — лишь механическія, и т. д.; такъ скульптура знаетъ лишь форму, живопись — лишь краски и линіи (графика), музыка — лишь звукъ и т. д. Стремиться къ сліянію искусствъ — значитъ итти назадъ. Сливъ, наконецъ, всѣ искусства въ одно, мы получимъ реальный, живой предметъ, т.-е. то самое, отчего, ради своихъ цѣлей, уходитъ искусство, отвлекая отъ него лишь форму, лишь краски, лишь звукъ. Восковыя куклы въ музеяхъ, вертящіяся на пружинахъ, — вотъ печальный образецъ „сліянія искусствъ".

Э. Фалилеевъ. Гравюра на линолеумѣ.

П. МУРАТОВЪ
ГРАВИРОВАННАЯ МОСКВА

Москва не дождалась еще своего специфическаго живописца, дождется ли — вопросъ, на который можно отвѣтить не сразу, вспоминая рѣзкую черезполосицу Москвы, обезкураживающую тусклость многихъ ея „видѣній" и ту тягость, съ какой даже лучшія изъ нихъ приходится извлекать изъ безкрайныхъ разливовъ города. Искателямъ ансамблей, картинностей, которыми такъ богатъ Петербургъ, Москва не дастъ ничего, и если чистаго живописца можетъ законно увлечь отношеніе в с е р а в н о г д ѣ найденныхъ красокъ, то графикъ-стилистъ въ смущеніи остановится передъ темой, готовой поглотить и его стиль своею откровенной безстильностью. Въ рамки какого-либо одного искусства, въ границы какого-либо одного воззрѣнія никакъ не удастся включить нынѣшнюю Москву.

Но Москва, не отстаивающая ни одного изъ своихъ многообразныхъ обликовъ, не упорствующая ни въ какой цѣлостности и ни въ какомъ единствѣ, свидѣтельствуетъ тѣмъ самымъ о вѣчномъ приливѣ жизни, о неустанномъ движеніи волнъ житейскаго моря, оставляющаго безпорядочные кучи стѣнъ и гряды крышъ вокругъ ея неподвижныхъ историческихъ святынь. Біеніе этой жизни, чѣмъ болѣе безформенной и безбрежной, тѣмъ болѣе подлинно русской, не улавливаемъ ли мы, при первомъ взглядѣ даже на современный планъ города, съ его органически искривившимися старыми улицами и неудержимо ползущими въ разныя стороны новыми пригородами.

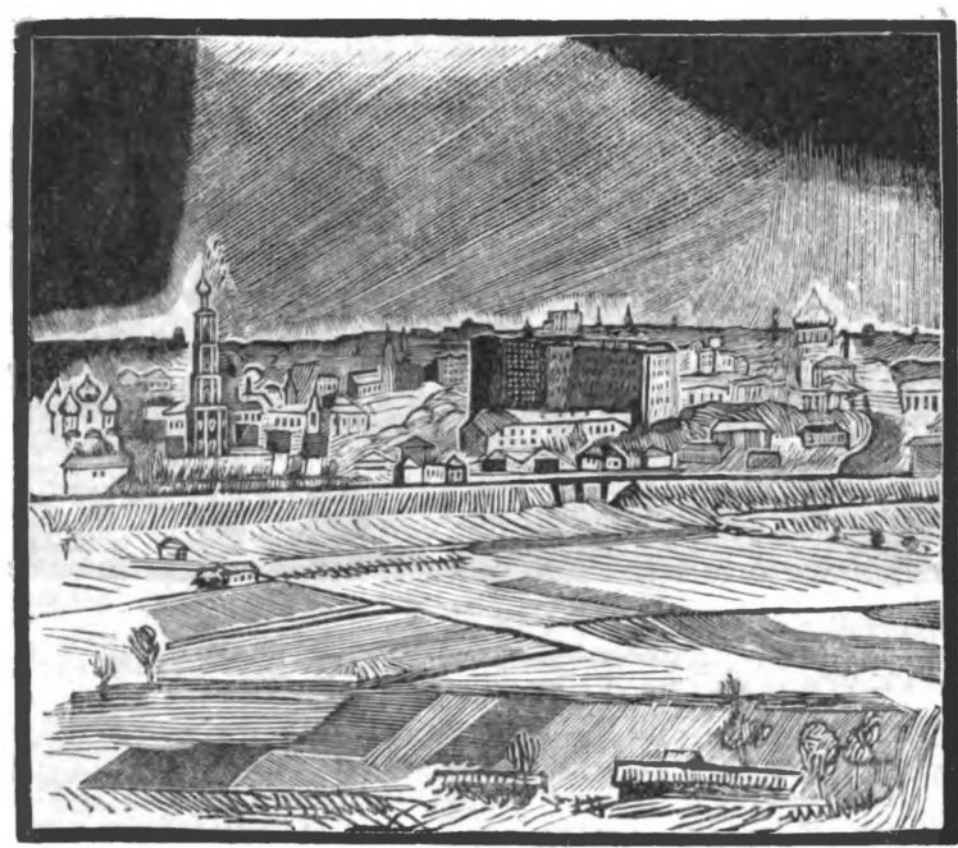
И быть можетъ, чтобы удержать какія-то впечатлѣнія, разрозненно мелькнувшія среди живого московскаго хаоса, художникъ дѣйствительно долженъ скорѣе всего прибѣгнуть къ выразительному штриху и лаконической краскѣ деревянной гравюры, какъ сдѣлалъ это Фалилеевъ, вспоминая кремлевскую стѣну и врѣзающіеся въ небо шатры, углы и зубцы кремлевскихъ башенъ. За эти стѣны, о которыя разбивается вѣчный приливъ московскаго моря, инстинктивно держится Павлиновъ, какъ за нѣчто подлиннѣйшее, постояннѣйшее во всемъ, что собственно есть Москва.

Но и диссонансы Москвы могутъ увлечь гравера, какъ показалъ то Фаворскій въ рядѣ своихъ недавно рѣзанныхъ небольшихъ досокъ. Странствуя по окраинамъ, по берегамъ Москва-рѣки, поражался онъ тревожностью этихъ разсыпавшихся домишекъ, среди которыхъ неожиданно громоздятся ящики большихъ домовъ, поднимаются фабричные корпуса, трубы, колокольни. Рѣка, устланная плотами изъ бревенъ, привлекала его вниманіе, и онъ умѣлъ чувствовать и ея изгибъ и откосъ ея береговъ. Небо московскихъ окраинъ переставало быть для него спокойною гладью. Надъ тревожащими и надрывающими своей скудостью душу аспектами этой Москвы самое небо не могло разостлаться безъ той судорожной сдвинутости, которую выразилъ граверъ перерывами и перебоями въ узорѣ штриха.

И если воззвала такимъ образомъ „диспаратная" всегда и во всемъ Москва къ ножу названныхъ ксилографовъ, то не приманитъ ли она въ концѣ концовъ къ себѣ и иглу офортиста! Въ ущельяхъ новыхъ промышленныхъ улицъ, въ деревенскихъ концахъ, нелѣпо подкаты-

вающихся иной разъ вплотную къ свѣже отстроеннымъ многоэтажнымъ человѣческимъ ульямъ, въ тихой ветлѣ, все еще ласково и торжественно осѣняющей какой-нибудь уже обезличенный наглой архитектурой арбатскій переулокъ. быть можетъ, почувствуетъ онъ ноту, которая своей „раздирательностью“ и острой преходящестью особенно вѣрно передастъ диссонирующій звукъ нашей московской жизни.

Въ графикѣ русской Москва можетъ сыграть „развязывающую“ роль, послѣ графическихъ успѣховъ петербургской стилистической скованности. Не одного еще, думается, художника разсердитъ и даже измучитъ она. но, бодрствующая въ исторіи, не усыпитъ его, дѣятельная, не дастъ ему сложить руки, безпокойная, не позволитъ успокоиться. Вмѣстѣ съ московскимъ воздухомъ вдохнетъ граверъ всѣ вѣянія русской жизни.

В. Фаворскій. Гравюра на деревѣ.

Андрей Глоба.

ИСПАНСКІЯ ПѢСЕНКИ.

I

Госпожа Марія,
Будь моимъ оплотомъ!
Раненъ я любовью,
Какъ и ты когда-то.

II

Мнѣ сказала дѣвушка,
Что меня не любитъ,—
И тогда влюбился
Я въ другую—въ Смерть.

III

Еслибъ ты любила
Такъ, какъ я люблю.
Ангеламъ бы стало
Скучно въ небесахъ.

IV

— Клянись.
Моимъ быть вѣчно.
— Клянусь:
Гораздо дольше!

Владиславъ Ходасевичъ.

СТАНСЫ.

Ужъ волосы сѣдые на вискахъ
Я прядью черной прикрываю,
И замираетъ сердце, какъ въ тискахъ,
Отъ лишняго стакана чаю.

Ужъ тяжелы мнѣ долгіе труды,
И не таятъ очарованья
Ни знанія слишкомъ пряные плоды,
Ни женщинъ душныя лобзанья.

Съ холодностью взираю я теперь
На скуку славы предстоящей...
За-то слова: цвѣтокъ, ребенокъ, звѣрь—
Приходятъ на уста все чаще.

Разсѣянно я слушаю порой
Поэтовъ звучныя бряцанья,
Но душу полнитъ сладкой полнотой
Зерна нѣмое прорастанье.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ
ОСІЯНІЕ
РАЗСКАЗЪ

Много пришлось мнѣ на своемъ вѣку видѣть чего, въ какіе только углы не забрасывала судьба! И много самыхъ непримѣтныхъ вещей говорятъ мнѣ внятно о людяхъ и жизни канувшей.

Вотъ поглядѣлъ я на эту вашу старую книгу — на развалившийся кожаный переплетъ, процѣлованный, какъ частица мощей. Вижу — часовникъ, рука славныхъ Петровскихъ годовъ. Но гдѣ тотъ человѣкъ, Кореневъ доброписецъ, имя его едва живо поблекшее на оборванномъ пожелтѣломъ листѣ переплета, и чѣмъ кончилъ — самосожженіемъ за правую вѣру или такъ въ скиту у березокъ, не скажу. А напоминатъ — напоминаетъ мнѣ этотъ часовникъ о многомъ.

Вы знаете, что я былъ судебнымъ приставомъ въ нашей далекой сѣверной глуши. Безконечныя поѣздки на лошадяхъ зимою и лѣтомъ по тряскимъ дорогамъ дремучихъ лѣсовъ. Все, что притупляетъ умъ и ожесточаетъ сердце, вся эта будничная сутолока давила меня, маленькаго безсильнаго чиновника, слѣпого исполнителя судебныхъ предначертаній.

Не красна жизнь подначальнаго чиновника въ уѣздѣ, а еще того хуже жизнь пристава, который только и долженъ исполнять то, что велитъ ему судъ: описывать, вручать повѣстки, взыскивать по исполнительнымъ листамъ. Вездѣ приставъ нежеланный гость. Въ каждой семьѣ это вѣстникъ несчастья.

И вотъ былъ со мной такой случай, это я все по поводу этой книги. Получилъ я однажды весной исполнительный листъ отъ одного купца на другого купца старообрядца, очень богатаго человѣка, да у котораго только дѣла позамялись.

Товарищъ мой Завитулькинъ приставъ не захотѣлъ ѣхать.

— Боже упаси, — говоритъ, — старикъ крутой и правный, пожалуй кобелями затравитъ.

И пришлось мнѣ ѣхать.

Пріѣзжаю въ уѣздный городишко, а тамъ въ дому нѣтъ купца. Говорятъ съ семьей выѣхалъ на мельницу. Въ верстахъ такъ семидесяти отъ города.

Все-то въ этихъ городишкахъ знаютъ!

Сказали бы, выѣхалъ неизвѣстно куда, прибилъ бы я тогда повѣстку къ дверямъ, да и назадъ. А то изволь трястись на мельницу.

Всю ночь ѣхали по какимъ-то ухабамъ и косогорамъ, а къ утру спустились въ грязь, въ болотину, кое-какъ перебрались черезъ живой мостъ — доски ходуномъ ходятъ, вспомнишь, тоска беретъ! — и подъѣхали къ мельницѣ.

У мельницы домъ, хорошій домъ, двухъэтажный, строился заправски.

Долго стучали мы въ двери. Наконецъ-то отперъ какой-то старикъ: смотритъ сурово. Я ему все разсказалъ. А онъ что-то буркнулъ и скрылся. Вошли мы въ горницу.

— Зачѣмъ вошли, не туда! — слышимъ, старикъ кричитъ, — идите по лѣстницѣ наверхъ!

А наверху встрѣчаетъ хозяинъ. Что и говорить, не съ радостью. Ужъ такіе мы постылые! Ну, я все-таки бойко такъ говорю, документы показываю. А хозяинъ молчитъ: ни да, ни нѣтъ.

И вдругъ слышу, шорохъ позади гдѣ-то. И точно потянуло что, оглянулся я и сразу оробѣлъ: въ черномъ старовѣрскомъ сарафанѣ съ серебрянымъ галуномъ, въ бѣломъ платкѣ-косынкѣ, блѣдная такая, строгая — отродясь я не видывалъ такой.

— Это моя дочь, — говоритъ хозяинъ.

А я стою, какъ дуракъ.

Она подошла къ столу, взяла такую вотъ книжку-часовникъ, процѣлованный, какъ частица мощей, и безшумно скользнула изъ комнаты.

Что потомъ говорилъ мнѣ хозяинъ, чего отвѣчалъ я, все позабылъ.

Не забылъ я и не забыть никогда — черезъ всѣ годы, черезъ ерунду житейскую и непріятности, черезъ псю и паршъ чиновней жизни моей, эту старую процѣлованную книгу я помню, вижу ее, темную, въ бѣлой рукѣ, да русую косу, перекинутую черезъ бѣлый кисейный рукавъ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ

Счастіе.

С. Соболевой.

Солнце, сіяя, тепломъ излучается.
Счастливо сердце, когда расточается.
Счастливъ, кто такъ даровитъ
Щедрой любовью, что свѣтлому чается,
Будто со всѣмъ онъ живымъ обручается.
Счастливъ, кто живъ и живитъ.

Тотъ, кто съ душою своей разлучается,
Душу обрящетъ,—намъ Слово ручается.
Жизни, щадя, не губи.
Сѣмя, что въ глыбахъ со Смертью встрѣчается,
Колосомъ полнымъ подъ вѣтромъ качается.
Счастія хочешь?—Люби!

Счастье—не то, что годиной случается
И съ мимолетной годиной кончается.
Счастья не жди, не лови!
Духъ, какъ на царство, на счастье вѣнчается,
Въ счастье, какъ въ солнце, навѣкъ облачается;
Счастье—побѣда любви.

Всенародность

(сонетъ).

Поэты мглы, мы въ позднихъ пѣсняхъ ловимъ
Послѣдніе лучи души затворной;
Послѣднихъ зорь румянцемъ прекословимъ
Всезвѣздной Музѣ, лирницѣ соборной.

Но вскорѣ тусклый пурпуръ обезкровимъ,
И накипью закатъ остынетъ черной;
И будетъ Богъ всѣмъ міромъ славословимъ—
Въ пещерѣ ли, на площади ль просторной.

Отъ звѣздъ зажги, уединенный, свѣчи!
Твоей тоскѣ не будетъ гордой кельи
На праздничномъ, на людномъ новосельи,

Ни словъ отвѣтныхъ въ новозданной рѣчи.
Но все, что духъ таитъ, ревнуя къ людямъ,
Мы сообща полюбимъ—иль забудемъ.

М. КУЗМИНЪ
ПАПАША ИЗЪ ДЫМОВОЙ ТРУБЫ
РАЗСКАЗЪ

Его звали Томъ Смитъ, и былъ онъ воришкой. Онъ былъ воришкой, потому что ему было всего восемь лѣтъ. Будь ему двадцать восемь, вѣроятно, онъ былъ бы воромъ, а, можетъ быть, капитаномъ, морякомъ или приказчикомъ въ суконномъ магазинѣ. Будь сорокъ восемь, конечно, воромъ онъ ужъ не былъ бы (рѣдкіе экземпляры къ такому возрасту сохраняютъ въ чистотѣ свою профессію, большинство или погибаетъ отъ тюремной плѣсени, или выбивается въ люди), но могъ бы сдѣлаться членомъ парламента, знаменитымъ проповѣдникомъ, или торговалъ бы зонтиками, тростями и очками на бульварахъ. Но ему было всего восемь лѣтъ и онъ былъ воришкою.

У Тома не было ни отца, ни матери. Онъ считалъ своею матерью, отцомъ, палачемъ, хозяиномъ, тюремщикомъ, другомъ, товарищемъ и сообщникомъ рыжаго Сама. Тотъ же не думалъ о происхожденіи мистера Смита и былъ увѣренъ, что мальчишка завелся отъ дождя и грязи на большой пригородной дорогѣ, гдѣ онъ его подобралъ.

Найденышъ былъ такъ же сѣръ и грязенъ, какъ октябрьское небо, подъ которымъ его встрѣтилъ старшій. Не совсѣмъ правильно, конечно, говорить „встрѣтилъ", потому что Томъ лежалъ въ канавѣ и спалъ. Вѣроятно, Самъ принялъ мистера Смита за выброшенный узелъ съ лохмотьями и даже, приподнявъ его за шиворотъ, не совсѣмъ разубѣдился въ этомъ, такъ мальчикъ былъ легокъ. Только глянувшіе вдругъ изъ сплошной размазанной грязи линюче-голубые глаза показали, что этотъ узелъ умѣетъ бояться и плакать. Самъ поставилъ мальчика на ноги, далъ ему подзатыльникъ и пошелъ дальше. Томъ побрелъ за нимъ, какъ собачонка. Черезъ нѣсколько минутъ старшій передалъ ему свой окурокъ, который младшій, давясь, и началъ курить. Мальчику не приходилось раньше курить, но онъ боялся Сама, къ которому сразу почувствовалъ уваженіе и нѣкоторое обожаніе. Особенно ему нравились длинныя и необыкновенно сухія ноги. Изъ-подъ оборванныхъ, лиловыхъ съ бахромою брюкъ ладыжки выглядывали вываренными, да еще дня три глоданными бульонными костями. Черезъ рваные дамскіе ботинки съ резинками мелькали острыя пятки, разбрызгивая далеко грязь.

Потомъ они разговорились. Первый заговорилъ Томъ. Ему это было такъ трудно, какъ сдвинуть комодъ съ сырыми простынями.

У покинутой избушки скакала и выла рыжая собака въ репьяхъ. Она была привязана и чуть не давилась, стараясь сорваться. Потомъ отбѣгала къ столбу и съ новымъ оживленіемъ натягивала веревку. Томъ остановился и тихо сказалъ грубымъ голосомъ.

— Ишь ее!—и смотрѣлъ, отвѣтитъ ли Самъ. Тотъ взглянулъ по направленію къ избушкѣ, плюнулъ и наконецъ буркнулъ:

— Пристрѣлить бы!

— Вѣрно, никого нѣтъ.

— Все можетъ быть.

— Ишь сволочь!—въ восторгѣ осмѣлилъ Томъ и если бы могъ, укусилъ бы отъ радости пожелтѣвшіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пахнувшіе потомъ и тѣломъ стольких за свой вѣкъ владѣльцевъ штаны Сама. Пошли дальше. Такъ Томъ и поселился у Сама, хотя у того не было опредѣленной квартиры. Ну, да вѣдь и Тому перевезти свое имущество было не трудно. Въ ночлежкахъ хозяинъ обучилъ мальчика разнымъ штукамъ, въ видѣ награды играя съ нимъ въ карты и радуясь при выигрышѣ, хотя на игру Самъ тутъ же давалъ деньги. Больше десяти мѣдяковъ Томъ не получалъ.

Главной заботой въ воспитаніи Тома было, какъ бы онъ не растолстѣлъ, хотя никакихъ опасныхъ признаковъ дородности не замѣчалось. Боялся же Самъ толщины Тома потому, что младшій помощникъ служилъ ему главнымъ образомъ для того, чтобы пролѣзать черезъ дымовыя трубы каминовъ и отворять тихонько двери богатыхъ квартиръ. Мальчикъ очень ловко это продѣлывалъ и скоро сталъ извѣстностью среди воровъ, такъ что ему даже дали прозвище „Томъ-бѣлка". Однажды

къ Саму присталъ одинъ франтъ, чтобы тотъ отпустилъ къ нему своего помощника на гастроли открыть двери въ спальню какой-то неприступной красавицы и предлагалъ изрядныя деньги, такъ что наши прiятели имѣли бы возможность безбѣдно жить цѣлый мѣсяцъ, но воспитатель Тома съ негодованiемъ отвергъ такое предложенiе. Пробовали раза два воровать мальчика другiе воры, но онъ отовсюду прибѣгалъ къ Саму, хотя у того и не было постояннаго мѣстопребыванiя. Нельзя сказать, чтобы Томъ былъ лучше вымытъ, чѣмъ въ первую встрѣчу со своимъ товарищемъ, но послѣднiй теперь его не принялъ бы за узелъ съ тряпьемъ. Теперь онъ уже привыкъ различать кромѣ линючихъ голубыхъ глазъ, щеки въ веснушкахъ, вздернутый носъ и острый подбородокъ. Онъ даже зналъ выраженiя этого лица, ужимки и гримасы Тома и вообще его привычки, которыя мистеръ Смитъ имѣлъ, какъ всякiй другой человѣкъ.

*

Въ эту ночь шелъ мелкiй, холодный дождь и если бы Томъ когда-нибудь проводилъ время въ тепломъ домѣ за круглымъ столомъ, гдѣ всѣ собрались, хозяйка наливаетъ чай, или накладываетъ пуддингъ, масло золотится въ хрустальной масленкѣ, хлѣбъ толсто и обильно нарѣзанный, ждетъ ѣдоковъ на своей деревянной доскѣ, на которой выжжено „птичка по зернышку клюетъ и то сыта бываетъ", творогъ бѣлѣетъ аппетитной глыбой, зовя къ себѣ сметану и сахаръ, круглятся яйца и розовѣетъ въ нѣжномъ жирѣ домашняя ветчина; потомъ утихнетъ звонъ ножей и вилокъ, служанка и мама уберутъ со стола и начинаются самые сладкiе часы передъ сномъ, когда хозяйка возьметъ работу, старшiй Джонъ развернетъ толстую книгу съ картинками, гдѣ описаны такiя же семьи, такiе же вечера за такими же круглыми столами, младшiе вырѣзаютъ дамъ изъ прошлогоднихъ модныхъ журналовъ, у дверей стоитъ горничная и дремлетъ, смотря на круглые часы и вздрагивая, когда полѣно треснетъ громко въ каминѣ, — если бы Томъ зналъ все это, то вечеръ какъ разъ подходилъ къ тому, чтобы завидовать всѣмъ этимъ прелестямъ. Но онъ ничего подобнаго не зналъ и, хотя и не съ большимъ удовольствiемъ, но безъ особеннаго ропота влѣзъ на крышу, гдѣ Самъ прикрѣпилъ къ трубѣ, изъ которой не шло ни тепла, ни дыма, длинную веревку, какъ у трубочистовъ, чтобы мальчикъ могъ спускаться.

— Ну, Томъ, съ Богомъ!—произнесъ Самъ, раскуривая трубку, которую все заливалъ дождь.

Путь оказался совершенно прямымъ и достаточно широкимъ, такъ что Томъ вскорѣ почувствовалъ кирпичный полъ подъ ногами. Какъ всегда, въ такихъ случаяхъ, мальчикъ нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно, прислушиваясь, не шевелится ли кто въ комнатѣ. Все было тихо и покой освѣщался, вѣроятно, одной лампой или даже свѣчкой, стоявшей въ другомъ углу, далеко. Наконецъ раздались вздохи и стоны какой-то старухи. Потомъ хлопнула дверь и мужской голосъ грубо произнесъ:

— Ну, въ чемъ дѣло?

— Охъ, смерть моя пришла!

— Знаемъ мы эту смерть! каждый вечеръ приходитъ. Одни капризы, кушали бы лучше свой супъ.

— Охъ, не могу... а супъ пересоленъ.

—Что? супъ пересоленъ? еще чего! каждый день новыя причуды! Дѣйствительно, пора бы вамъ на покой.

Старуха замолкла, потомъ начала скрипучимъ голосомъ:

— Конечно, я всѣмъ въ тягость и всегда такъ было. Вся моя семья ждала, когда я умру.

— Ну да, а кто уморилъ мистриссъ Фанни? кто выгналъ ее съ маленькимъ Томомъ изъ дома?

— Охъ, не вспоминайте, не раздирайте моего сердца.

— Ага, не нравится?

— Я каждый день молюсь за спасенье ихъ душъ.

— Лучше бы раньше думали, ханжа! Да и что молиться? мистриссъ Фанни, дѣйствительно, утопилась, это даже въ участкѣ записано, а мальчишка, можетъ быть, и живъ и скитается, или разбойничаетъ.

— Сколько ему теперь лѣтъ-то? восемь?

— Пожалуй, что ужъ восемь.

Очевидно, старая дама принялась за супъ, потому что голоса умолкли и слышно было только, какъ стучитъ глиняная посуда. Наконецъ покряхтѣвъ, она снова заговорила:

— Ты думаешь, это возможно, что Томъ живъ? О, если бы это было правдой. Я ночи не сплю, все думаю о своемъ жестокомъ поступкѣ. Все было предусмотрѣно, ты не можешь этого опровергнуть; на ребенка была надѣта мѣдная бляха съ изреченiемъ: „Господь пасетъ меня" и съ адресомъ.

— Мѣдная?—спросилъ мужчина презрительно.

— Думаешь, изъ скупости? нѣтъ. Золотая вещь всегда можетъ быть продана, заложена, украдена, а на мѣдную кто польстится?

— Это правда.

— О!—воскликнула дама театрально и шевельнулась, такъ какъ заскрипѣла какая-то мебель. — О! если бы удалось найти моего сына, моего маленькаго Тома, я бы...

— Умерли бы отъ счастья!—грубо прервалъ ее собесѣдникъ.

Дама обиженно замолкла.

Что-то смутно заныло въ сердцѣ Тома, такъ явственно, что онъ подумалъ, не блоха ли его кусаетъ. Положивъ руку за пазуху, чтобы почесаться, онъ вдругъ почувствовалъ у себя на шеѣ металлическую бляшку и все сразу вспомнилъ и понялъ. Онъ вѣдь отлично зналъ, что у него всегда висѣла на крѣпкомъ шнуркѣ эта вещь, именно съ такою надписью и непонятными буквами внизу, которыя они съ Самомъ принимали всегда за указанье библейской книги, главы и стиха, откуда взятъ текстъ. Какъ оказывается, это изображало адресъ. Мальчикъ никогда не думалъ о своей бляшкѣ, такъ какъ не привыкъ заниматься безцѣльными размышленiями, но въ данную минуту, сжимая въ кулакѣ свой родовой амулетъ, онъ непривычно взволновался. Ему, главнымъ образомъ, было смѣшно и стыдно, что у него, у Тома Смита, оказалась мать (можетъ быть, бабушка!) Какъ настоящiй бродячiй мужчина, къ женскому полу онъ относился презрительно. Онъ не радовался, что нашелъ отчiй домъ, не жалѣлъ, что его мать обижаетъ какой-то грубый, чужой господинъ, не негодовалъ, что старая леди во время оно выгнала его и какую-то утопившуюся Фанни на улицу, но только пробормоталъ:

— Чортъ бы ее побралъ! хоть бы была отцомъ вмѣсто матери!

Между тѣмъ, въ комнатѣ было не все мирно и Томъ опять сталъ прислушиваться, совершенно забывъ о Самѣ, который, вѣроятно, его заждался у подъѣзда. Мальчикъ совсѣмъ не представлялъ себѣ, какъ тотъ ходитъ подъ дождемъ, руки въ дырявые карманы, поднявъ воротникъ, съ независимымъ видомъ, такъ что, если бы кто и встрѣтился съ нимъ въ такую погоду, низачто не предположилъ бы, что онъ поджидаетъ восьмилѣтняго прiятеля, а подумалъ бы, что оригинальный джентльменъ такъ себѣ прогуливается. Но Томъ ничего этого себѣ не воображалъ, а слушалъ, какъ все громче и громче раздавались голоса въ родительской комнатѣ, все тоньше кричала и стонала бабушка, все грубѣе возражалъ ей неизвѣстный мужчина, который къ довершенiю всего, хлопнулъ объ столъ (не о бабушкину же голову!) глиняной кружкой. Мальчику такъ захотѣлось представить себѣ свою бабушку, что онъ пропустилъ даже часть разговора и не могъ бы возстановить, если бы его вызвали въ участокъ въ качествѣ свидѣтеля, какъ разгорѣлась ссо-

ра. Старую даму онъ считалъ похожей на одну леди, которую они съ Самомъ недавно обокрали. У нея было красное длинноносое лицо, чепчикъ съ лиловымъ бантомъ, фланелевая кофта и туфли безъ задковъ на босу ногу. Она была страшной аристократкой, разогрѣвала себѣ манную кашу на машинкѣ, думала было упасть въ обморокъ, но потомъ опрокинула кастрюльку, прижала къ груди сѣрую кошку и, смотря на нашихъ молодцовъ остановившимися глазами, только повторяла: „а Бобъ плаваетъ, а Бобъ плаваетъ". Тому очень хотѣлось узнать, какой это Бобъ плаваетъ, но некогда было разспрашивать, а Самъ потомъ объяснилъ, что вѣроятно, Бобъ—внукъ или крестникъ старой дамы, служащій во флотѣ, или на торговомъ суднѣ. Вотъ именно такою представлялась Тому и бабушка и ему стало такъ ихъ жалко (и бабушки, и старой лэди, и Боба плавающаго), что когда онъ услышалъ, какъ негодяй сказалъ: „клянусь небомъ, я васъ ошарашу чѣмъ-нибудь!"—Томъ бросился изъ камина на середину комнаты и закричалъ: „руки вверхъ!".

*

Томъ руководился единственно желаніемъ защитить свою бабушку, не думая объ исполнимости этого намѣренія, такъ какъ былъ совершенно не вооруженъ и едва ли бы могъ бороться съ обладателемъ такого густого баса. Можетъ быть, впрочемъ, онъ разсчитывалъ на эффектъ своего неожиданнаго появленія. Эффектъ, дѣйствительно, получился необычайный и даже трудно было судить, кто больше удивился, Томъ ли тому, что представилось его сверкающимъ глазамъ, или его бабушка и ея врагъ. Передъ нимъ сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ, трясясь отъ страха, маленькій, аккуратный, еще не старый господинъ и отмахивался ручками, будто онъ ихъ обжегъ или сушилъ на воздухѣ. За кресломъ высилась коренастая старая женщина съ краснымъ лицомъ и густыми усами, которые она, повидимому, давно не брила. Господинъ совсѣмъ не походилъ на обидчика и у старухи не было вида обиженной. Они оба молчали и смотрѣли во всѣ глаза на Тома, стоявшаго посреди комнаты, сжавъ въ кулакѣ свою бляху. Первая опомнилась бабушка; она басомъ проворчала:

— Это еще что за явленіе?

— Онъ убьетъ насъ, Фелиція! у него въ рукѣ пистолетъ,—тоненькимъ голосомъ простоналъ господинъ и опять замахалъ ручками.

— Право, вы рехнулись! Что онъ, фокусникъ что ли, чтобы въ такомъ кулаченкѣ спрятать пистолетъ? Можетъ быть, у него зенитная пушка въ карманѣ? Чего тебѣ надо и откуда ты взялся?—послѣднія слова старуха адресовала уже прямо къ Тому, который все болѣе и болѣе терялся. Но онъ понималъ, что разъ онъ вступилъ на путь несчастнаго и благороднаго найденыша, нужно было по нему итти. Потому, протянувъ впередъ руки и сдѣлавъ шагъ впередъ („Ай-ай", закричалъ джентльменъ) произнесъ насколько могъ нѣжнымъ (вышелъ просто пискливый) голосомъ:

— Бабушка!

— Старая дама оглянулась, будто ища, нѣтъ ли тутъ еще какой-нибудь особы, къ которой обращается мальчикъ. Но Томъ упрямо продолжалъ и даже зажмурился, чтобы его не сбивали съ толку:

— Бабушка! я—вашъ внукъ, несчастный Томъ, котораго вы изволили выгнать съ какой-то тамъ Фанни, которая была глупа утопиться. Я слышалъ, что вы не спите по ночамъ и умрете отъ счастья, если найдете бѣднаго Тома. Вотъ вы его нашли! Только не умирайте, ради Бога, я это совсѣмъ не къ тому. Вотъ мѣдная бляшка, вотъ „Господь пасетъ меня", вотъ и адресъ. Самъ, по правдѣ сказать, думалъ, что это обозначаетъ куплетъ, но теперь я знаю, что это адресъ. Теперь я даже вспоминаю ваше лицо и рыжую собаку... ее звали... ее звали... Пиль. У меня былъ полосатый костюмчикъ... Правда? скажите!...

Старая дама смотрѣла подозрительно и наконецъ рѣшила:

— Ты все врешь,—ты просто—воришка!

Томъ въ порывѣ признанія воскликнулъ:

— Да, я—воришка, бабушка, но я—вашъ внукъ. Я забрался къ вамъ, чтобы васъ обворовать и Самъ ждетъ меня. Если бы теперь былъ день и если бы вы выглянули въ окошко, вы бы его увидѣли, навѣрное. Но когда я услышалъ, какъ вы тутъ огорчаетесь, какъ обижаетъ васъ этотъ жестокій человѣкъ, какъ вы описывали маленькаго Тома, то-есть меня, мнѣ все стало понятно и такъ жалко и васъ, бабушка, и маленькаго мальчика, что я вспомнилъ про свою бляшку и увѣрился, что это я и есть вашъ внукъ. Позвольте мнѣ обнять васъ!

Томъ сдѣлалъ еще шагъ, старуха величественно отстранила его жестомъ, а господинъ вдвинулся въ кресло и подобралъ подъ себя ноги.

— Рвань негодная!—проворчала бабушка и оглядѣлась, будто ища, чѣмъ бы запустить въ новоявленнаго родственника, но глиняная чашка была уже разбита. Господинъ заговорилъ, заикаясь:

— Фелиція, мнѣ кажется... мнѣ кажется... что онъ говоритъ правду... я только одного не понимаю, почему онъ все время считаетъ меня за бабушку, когда я—его родной отецъ. Фелиція, возьмите у него этотъ предметъ... ну, ладанку...

Томъ былъ такъ удивленъ, что потерялъ до нѣкоторой степени сообразительность и готовъ былъ даже пискливаго джентльмена признать за бабушку; поэтому онъ съ готовностью хотѣлъ подойти и предложить старому господину на разсмотрѣніе свою бляшку, но тотъ поднялъ руки, вдвинулся въ кресло такъ, что даже стукнулся затылкомъ о жесткую спинку и закричалъ:

— Не приближайся, мальчикъ, не приближайся. Фелиція, дитя мое, возьмите у него эту штуку.

Старая дама двинулась, разжала кулакъ Тома и поднесла бляшку къ хозяину. Тотъ долгое время смотрѣлъ на предметъ, потомъ закрылъ лицо руками, наклонилъ голову, такъ что сталъ видѣнъ не только проборъ сѣрыхъ волосъ, но и плѣшь, и наконецъ простоналъ:

— Сомнѣній быть не можетъ: это онъ!

— Можетъ, стащилъ гдѣ-нибудь! — пробовала возразить Фелиція, но господинъ быстро продолжалъ:

— Нѣтъ, Фелиція, все было предусмотрѣно. И опять, не забывайте про голосъ крови—это что-нибудь да значитъ!

Онъ высморкался и протянувъ обѣ руки къ Тому, произнесъ:

— Теперь пододвинься, Томъ. Теперь тебѣ это позволено.

Держа за руку на полъаршина отъ себя мальчика, господинъ началъ жалобно:

— Я—твой несчастный отецъ, Томъ—Тэдди Смитъ, и ты—мой не менѣе несчастный ребенокъ. Нѣтъ надобности въ эту торжественную минуту вспоминать, что было причиной нашей разлуки, но вотъ мы снова вмѣстѣ, нашли другъ друга,—и мы радуемся!

Мистеръ Смитъ старшій остановился и обвелъ аудиторію грустнымъ взоромъ, словно онъ произносилъ надгробное слово, затѣмъ продолжалъ съ усиленной выразительностью:

— Знаешь ли ты, что значитъ—отецъ?

Такъ какъ Томъ молчалъ, то мистеръ Тэдди формулировалъ свой вопросъ болѣе понятнымъ по его мнѣнію образомъ.

— Что значитъ папа, батюшка, папаша? Это—человѣкъ...

— Который васъ сѣчетъ, когда вы курите?—попробо-

валъ догадаться мальчикъ.

Низкій голосъ Фелиціи, на которую Томъ какъ-то перестал обращать вниманіе, вступился:

— Пожалуй, за такія продѣлки, если мальчугану не минуло еще пятнадцати лѣтъ, его можетъ высѣчь любая лэди извѣстнаго возраста.

Но мистеръ Смитъ старшій, не смущаясь не особенно торжественными перерывами, продолжалъ:

— Отецъ—это человѣкъ, который тебя питаетъ, холитъ, воспитываетъ, учитъ уму-разуму, который въ концѣ-концовъ причина самаго твоего существованія. Для всякаго чувствительнаго ума и сердца слово „отецъ" звучитъ, какъ давно любимая музыка, какъ послѣ долгаго отсутствія родной языкъ.

Не только Тому, но даже лэди извѣстнаго возраста становилось скучно, да, кажется, и самъ мистеръ Тэдди не зналъ, что дальше сказать. что не уменьшило бы впечатлѣнія его предыдущихъ словъ, потому, по примѣру нѣкоторыхъ ораторовъ, онъ закончилъ неожиданно конкретнымъ предложеніемъ:

— Фелиція, вымойте мистера Смита младшаго и постелите ему спать на сундукѣ въ проходной, рядомъ съ кабинетомъ.

*

Томъ болѣе удивлялся, нежели радовался всѣмъ преимуществамъ благоустроеннаго житья въ домѣ вновь найденнаго батюшки. Фелиція, оказавшаяся не болѣе, какъ экономкою мистера Смита старшаго, или лучше сказать, его тюремщицей и совѣстью, потому что, служа уже долгое время въ семействѣ Смитовъ и зная всѣ тайны и характеры хозяевъ, имѣя со своей стороны строгій и неуступчивый нравъ, сдѣлавшій бы честь любому судьѣ, она держала мистера Тэдди въ повиновеніи—повидимому совершенно не собиралась мѣнять положенія дѣлъ, понимая всю его выгодность.

Ей же былъ безъ уговора порученъ и самый младшій мистеръ Смитъ. Привыкши смотрѣть на всѣхъ вообще членовъ семейства Смитъ, какъ на своихъ жертвъ, Фелиція пробовала было изводить Тома тѣмъ, что онъ, молъ, воришка, но такъ какъ на мальчика эти упреки не производили никакого впечатлѣнія, то старая дама предпочла взять его себѣ въ сообщники и жаловаться ему на мистера Смита старшаго. По правдѣ сказать, эти разсказы тоже не слишкомъ интересовали Тома и онъ больше любилъ сидѣть съ отцомъ, молча, въ полутемной комнатѣ. Мистеръ Смитъ старшій былъ достаточно здоровъ и совсѣмъ не старъ, но велъ себя, какъ больная развалина въ отставкѣ. Очевидно, ему доставляло непонятное удовольствіе находиться все время дома, раскладывая пасьянсы, или смотря на огонь керосиновой лампы, подвергаться нападкамъ и воркотнѣ Фелиціи и питаться кушаньями выздоравливающаго. Службу свою онъ бросилъ вотъ уже скоро годъ, сославшись на переутомленіе.

Прошло недѣли двѣ. Мальчикъ не доставлялъ никому безпокойства, но и не вносилъ оживленія въ печальныя и затхлыя комнаты. Казалось, онъ родился и выросъ въ этихъ сырыхъ стѣнахъ и съ дѣтства привыкъ къ кисловатому амбарному запаху и тихому скребету мышей за обоями. Отецъ иногда поднималъ глаза отъ картъ и безъ выраженія взглядывалъ на сына. Кажется, онъ считалъ этотъ жестъ болѣзненнымъ, но Томъ этого не понималъ и всякій разъ, вздрогнувъ, спрашивалъ:

— Вамъ чего-нибудь угодно, мистеръ Смитъ старшій?

Упомянутый мистеръ медленно отводилъ глаза, вздыхалъ и ничего не отвѣчалъ, что онъ тоже находилъ болѣзненнымъ. Умолкалъ и мистеръ Смитъ младшій и снова слышилось только шлепанье картъ, да мышья скреботня. Фелицію такая семейная картина всегда выводила изъ себя. Вообще, старая дама не терпѣла тишины, болѣзненности и слезливыхъ воспоминаній, считая ихъ лицемѣріемъ, особенно со стороны такого изверга, по ея мнѣнію, какъ мистеръ Смитъ старшій. Ее, повидимому, раздражалъ даже самый видъ хозяина, его розовое личико, рѣдкія волосы, маленькія руки и писклывый голосъ, такъ что было даже не совсѣмъ понятно, что ее связывало съ этимъ домомъ.

Тома одѣвали чисто, хотя платья шили изъ грубаго матеріала, кормили также простою, но сытною пищею и, главное, ни въ чемъ не стѣсняли. Главнымъ образомъ на этой свободѣ настаивала старая Фелиція, втайнѣ, вѣроятно, расчитывая, что воровскія привычки возьмутъ свое и Томъ что-нибудь стибритъ. Эта надежда основывалась не на какой-нибудь тамъ спеціальной нелюбви экономки къ мистеру Смиту младшему, а на общемъ ея пристрастіи ко всякому наглядному выявленію человѣческой подлости и неблагодарности. Но все обошлось благополучно, ничего не пропадало ни въ горницахъ, ни на кухнѣ, и только глаза мальчика дѣлались все линючѣе и печальнѣе.

Однажды, когда папаша снова взглянулъ на сына болѣзненнымъ взглядомъ, Томъ не спросилъ „вамъ чего-нибудь угодно, мистеръ Смитъ старшій?", а произнесъ:

— Можно поговорить съ вами?

Джентльмэнъ поднялъ тѣ мѣста надъ глазами, гдѣ должны были бы быть брови и скорбно молвилъ:

— Господи, по грѣхамъ Ты меня наказываешь. Даже родной сынъ сомнѣвается, можно ли говорить со мною. Правда, я безсердеченъ, я черствъ душою, но никогда еще я не считалъ себя тираномъ.

Мистеръ Тэдди былъ, повидимому, искренне радъ случаю произнести эту самообличительную тираду, но Тому нужно было, дѣйствительно, поговорить съ отцомъ, почему онъ, не вдаваясь въ лирическія настроенія и оставя родительскія восклицанія безъ вниманія, произнесъ:

— Мистеръ Смитъ старшій, не считайте меня неблагодарнымъ и испорченнымъ существомъ. Я вамъ очень признателенъ за вашу доброту и любезность. Но вотъ въ чемъ дѣло... я думалъ объ этомъ три дня и пришелъ къ такому выводу, что я безъ Сама (помните, я вамъ про него разсказывалъ, онъ еще дожидался меня у подъѣзда въ тотъ вечеръ?) безъ Сама жить не могу. И вообще не могу жить, все время оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ, не двигаясь. Я засидѣлся у васъ... Вы только, ради Бога, не сердитесь... я не возьму съ собою вашего костюма, или башмаковъ... я одѣнусь въ свое собственное платье, въ которомъ пришелъ сюда... но позвольте мнѣ пойти повидаться съ Самомъ. Можетъ быть, я и отыщу его... Это удивительно. Сколько разъ я терялъ его, такъ случалось, какимъ-то чудомъ... я очень скоро его находилъ, хотя и не зналъ его адреса. Да и какой у него адресъ, судите сами. Такъ вотъ. Пустите меня. Я не безчувственный, вы мнѣ очень нравитесь и домикъ вашъ нравится (прямо, на рѣдкость, веселенькій домикъ) и миссъ Фелиція нравится, но, если я останусь здѣсь дольше безъ Сама, я умру. Я это чувствую. И потому умоляю васъ, позвольте мнѣ уйти...

Мистеръ Смитъ старшій ударилъ себя въ грудь и завопилъ, какъ великопостный проповѣдникъ:

— Фелиція! Фелиція!

— Не орите, я не глухая!—быстро отозвалась дама, оказавшаяся около самаго стула мистера Тэдди и нѣкоторое время съ удовольствіемъ слушавшая рѣчь Тома. Мальчикъ испуганно на нее оглянулся.

— Опять бродяжничать, воровать, змѣенышъ? Соскучился по Саму! скажите, какая нѣженка! Ограбить онъ васъ хочетъ, мистеръ Смитъ, больше ничего! И ты думаешь, что тебѣ такъ и удастся улизнуть, что тебя не будутъ отыскивать?

Старуха схватила мальчика за шиворотъ, будто со

бираясь тутъ же на мѣстѣ обыскивать или сѣчь. Томъ отъ неожиданности даже не сопротивлялся, какъ вдругъ мистеръ Смитъ старшій писклявѣйшимъ голосомъ закричалъ:

— Фелиція, оставьте въ покоѣ моего сына!—потомъ продолжалъ, уже не обращаясь къ старой дамѣ, а вообще, какъ бы въ поучение самому себѣ.

— Вотъ когда наступаетъ часъ расплаты! Родной сынъ мой меня покидаетъ. И онъ правъ, онъ совершенно правъ: что дѣлать ему, юному, невинному, неопытному, чистому около такой развалины, и даже преступной развалины, какъ я?!. Тэдди, Тэдди, вспомни свои грѣхи, вспомни Фанни и маленькаго Тома, который еще не умѣлъ говорить „съ добрымъ утромъ“ и „благодарю васъ“. О, о!!.

Рѣчь несчастнаго мистера не обѣщала скоро кончиться, потому Фелиція рѣшила ее прервать и направить разговоръ на болѣе конкретную тему: она „прямо къ дѣлу“ спросила:

— Такъ что же, мальчишку-то отпускаете?

— Какого мальчишку? добрая Фелиція, вы бредите!—болѣзненно спросилъ старый джентльменъ разбитымъ голосомъ, озираясь, словно ища еще мальчика, кромѣ Тома.

— Какого мальчишку, я говорю о мистерѣ Смитѣ младшемъ.

Папаша пожалъ плечами, развелъ руками и поднялъ глаза къ небу, словно предаваясь его волѣ.

— Что же я могу съ нимъ подѣлать?

Тогда старая дама, такъ и не выпускавшая Тома изъ своихъ рукъ, подтащила его за шиворотъ къ отцу, пребывавшему въ смиренной окаменѣлости, и ткнувъ его носомъ въ халатъ мистера Смита старшаго, буркнула:

— Ну, прощайся со своимъ папашей изъ дымовой трубы, и убирайся! Скатертью дорога! Попутный вѣтеръ!

Мальчикъ даже не поспѣлъ замѣтить, какъ у него на головѣ очутился картузъ и какъ онъ самъ очутился за дверью родительскаго дома.

Мистеръ Смитъ старшій продолжалъ сидѣть неподвижно, наконецъ жалобно воскликнулъ:

— Фелиція, неужели вы и теперь не видите какое я несчастное существо?

Старая дама брякнула чѣмъ-то вродѣ шпоръ или сабли (вѣроятно, ключи въ карманѣ) и вышла, ничего не отвѣтивъ.

Мистеру Смиту старшему недолго пришлось считать себя несчастнымъ существомъ и покинутымъ созданьемъ. Дней черезъ восемь, подъ вечеръ, въ двери мистера Смита постучали. Фелиція, которую гонимый судьбою джентльмэнъ послѣ исчезновенія Тома не отпускалъ отъ себя ни на шагъ, прислушалась, но мистеръ Тэдди въ страхѣ зашепталъ:

Это воры, это воры!

Можетъ быть, и старуха въ душѣ думала, тоже самое, но считая ниже своего достоинства совпасть въ мнѣніи съ презираемымъ извергомъ, она, ворчливо проговоривъ „еще чего“ пошла къ двери.

Мистеръ Смитъ не обнаружилъ особеннаго страха и сидѣлъ неподвижно, когда снова раздался торжествующій басъ Фелиціи.

— Радуйтесь, сдѣлайте одолженіе. Теперь вы уже не покинутое существо.

За руку она вела грязнаго оборваннаго Тома, почти въ такомъ же видѣ, какъ онъ явился въ первый разъ. Мистеръ Смитъ смотрѣлъ во всѣ глаза, не понимая въ чемъ дѣло. Фелиція, подведя мальчика къ самому креслу отца, сказала, какъ пословицу:

Воры-то воры, да свои!

Мистеръ Смитъ продолжалъ ничего не понимать. Заговорилъ Томъ:

— Мистеръ Смитъ старшій, вы меня простите, и не гоните,—конечно, это несносно, когда люди такъ часто мѣняютъ свои рѣшенія... но это послѣдній разъ; теперь я остаюсь у васъ навсегда. Вы ужъ меня примите... потому что... видите ли, въ чемъ дѣло. Я, дѣйствительно, думалъ, что бродяжничество меня привлекаетъ... Оказывается, безъ Сама оно неинтересно нисколько,—только дождь лупитъ, да спать негдѣ. Прежде я этого не замѣчалъ, не обращалъ вниманія...

Томъ выражался литературно, но, казалось, это нисколько не удивляло мистера Смита и не внушало подозрѣній Фелиціи. Впрочемъ, они были такъ поражены и заинтересованы самымъ фактомъ вторичнаго появленія блуднаго сына, что говори онъ, какъ газета, они бы и то не обратили вниманія, тѣмъ болѣе, что въ голосѣ мальчика слышалось настоящее волненіе.

— Мнѣ показалось очень скучнымъ безъ Сама то, что прежде меня радовало. И нажива, и ловкій обманъ, и опасныя предпріятія и кочеванье съ мѣста на мѣсто. Я даже ни разу не ночевалъ подъ мостомъ. А Сама я не могъ найти. Всегда его находилъ, а теперь у всѣхъ спрашивалъ, никто не знаетъ. Можетъ быть, заболѣлъ, или посадили куда-нибудь, а можетъ быть, и уѣхалъ.

Томъ задумчиво умолкъ. Часы вдругъ пробили семь. Фелиція въ молчаніи произнесла „сокровище!“, и глазки мистера Смита старшаго забезпокоились, потомъ поднялись къ небу! Мальчикъ тихо сказалъ: „Такъ я останусь съ вашего позволенія!—и положилъ фуражку на подоконникъ. Никто не протестовалъ и папаша даже протянулъ обѣ свои маленькія ручки къ сыну и только привлекши его къ себѣ, воскликнулъ:

— Очень трудно рѣшить, въ какую минуту тебя преслѣдуетъ судьба!

Это изреченіе, повидимому, было обращено къ Фелиціи, но ея уже не было въ комнатѣ, она не выносила мирныхъ семейныхъ сценъ.

*

Что же еще? Томъ не былъ веселъ, но не дѣлалъ попытокъ бѣжать, былъ тихъ и даже послушенъ. Слишкомъ подолгу только засматривался черезъ пыльныя окна на вечернюю зорю. Фелиція и мистеръ Смитъ не измѣнились за это время; положимъ, они были и недостаточно молоды для такихъ измѣненій. Черезъ полгода, или мѣсяцевъ черезъ восемь мистеръ Смитъ младшій получилъ замусоленное письмо отъ своего друга Сама изъ Новаго Орлеана. Тотъ узналъ, что Томъ нашелъ своихъ родственниковъ и подумалъ, что мальчикъ у нихъ, естественно, и останется. Сначала онъ его поджидалъ, караулилъ даже по ночамъ у дома, но потомъ рѣшилъ, что у его друга недостаточно чувства самостоятельности и привязанности, и махнулъ на него рукой. Но тутъ произошло то, чего никакъ не ожидалъ Самъ. Безъ маленькаго засморканнаго Тома улицы Лондона начали казаться атаману пустынными и что-то ужъ очень грязными, фонари ночлежныхъ домовъ не мигали привѣтливо, дороги не манили къ заколоченнымъ домамъ,—вообще, жить въ столицѣ стало очень плохо, такъ что въ концѣ-концовъ Самъ не выдержалъ и забрался въ трюмъ заокеанскаго парохода. Теперь, вѣроятно, мистеръ Смитъ готовится быть ученымъ джентльменомъ и чтобы онъ не забывалъ стараго друга. Самъ нашелъ самымъ подходящимъ подаркомъ для него нѣсколько книгъ. Дѣйствительно, черезъ недѣлю была получена и посылка, гдѣ находились „Ужасная жизнь и смерть шотландской графини“, „Руководство къ разведенію домашнихъ огородовъ“, „Путешествіе въ Лапландію“ и „Война мышей и лягушекъ“.

С. Абрамовъ
Тріолеты

I

Я знаменую тріолетомъ
Возвратъ въ мой зимній кабинетъ.
Все преходяще въ мірѣ этомъ.
Встрѣчаю осень тріолетомъ,
И навсегда простившись съ лѣтомъ,
Зимѣ холодной шлю привѣтъ.
Я знаменую тріолетомъ
Возвратъ въ мой зимній кабинетъ.

II

Закатъ, расцвѣтшіи словно макъ,
Ты близокъ мнѣ, какъ вздохъ отвѣтный.
Какъ свѣтъ, за коимъ вѣчный мракъ—
Закатъ, расцвѣтшій словно макъ,—
И въ морѣ жизненномъ маякъ
И вѣсть о пристани завѣтной.
Закатъ, расцвѣтшіи словно макъ,
Ты близокъ мнѣ, какъ вздохъ отвѣтный.

III

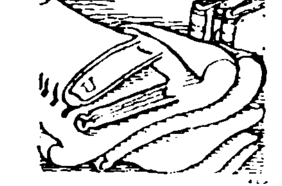
Я не пишу ужъ много дней,
Но взоръ, блестя, горитъ слезою.
Покоя нѣтъ въ душѣ моей.
Я не пишу ужъ много дней.
Такъ молкнетъ вѣчный шумъ морей
Предъ назрѣвающей грозою.
Я не пишу ужъ много дней,
Но взоръ, блестя, горитъ слезою.

IV

Накинувъ бѣлыя одежды,
Неслышно въ ночь пришла зима.
Земля, уставъ, сомкнула вѣжды.
Одѣты въ бѣлыя одежды,
Объяты сномъ мои надежды
И ихъ цвѣтные терема.
Накинувъ бѣлыя одежды,
Неслышно въ ночь пришла зима.

Абрамъ Эфросъ
О книгахъ

Въ событіяхъ книги тонутъ, какъ свинецъ. Сколько ихъ вышло за эти необычайные мѣсяцы — пять? шесть? семь?—не помню, да и я ли одинъ такъ запамятовалъ! Кажется, всѣ мы, любители художественной книги, точно бы утратили вкусъ и зоркость; а память,—особая, свойственная намъ, память на книги,—недавно бывшая еще надежнымъ рулевымъ нашей драгоцѣнной книжной жадности, — ворочается теперь страшно туго и нехотя, какъ если бы только сейчасъ, впервые, замѣтили мы благородство отличной бумаги, изящный очеркъ книжныхъ виньетъ и дразнящую скупость нумерованныхъ изданій — и еще не знаемъ, еще не освоились, какъ подойти къ подобной книгѣ, къ законамъ ея эстетики, и чего отъ нея ждать.

Книгъ нѣтъ. Живая связь ихъ другъ съ другомъ нарушена. Книжная цѣпь,—безконечная лента, еще недавно выбрасываемая таинственными пастями типографій, — порвана. Въ какія-то щели просовываются книжные остатки. Отъ нихъ пахнетъ сырой затхлостью,—эдакимъ скучнымъ и долгимъ подвальнымъ бытіемъ. Вы знаете, какъ чувствуетъ себя записной собиратель книгъ въ лавкѣ, гдѣ продаются только „подержанные учебники"? Когда-то въ Столешниковомъ переулкѣ, у Яковлева, былъ такой полупроходъ—полусарайчикъ, гдѣ можно было найти одни лишь „старыя пособія"; чего ни спросишь изъ настоящей милой книги—никогда ничего нѣтъ; нѣтъ даже новыхъ школьныхъ выпусковъ; но неисчерпаемы зато почерканные, бахромистые, съ колонками чернильныхъ цифръ и буквъ на переплетахъ и на поляхъ, Краевичи, Шапошниковы, Манштейны и Шульцы. Экая тоска!

И вотъ теперь, вездѣ, это самое: вся книгопродавческая и издательская Московія стала подваломъ съ потрепанными учебниками. Мы бродимъ изъ магазина въ магазинъ и ощущаемъ неутолимый книжный голодъ, совершенно такъ же, какъ въ нашихъ съѣстныхъ лавкахъ: стойки зловѣще голы, на полкахъ разставлены для эстетики батареи пустыхъ, но ярко-ярлычныхъ консервныхъ банокъ (эти цвѣтистые ярлыки кажутся издѣвательствомъ!), да кое-гдѣ — стружки сушеной зелени, грязно-алая морковь, и бутылки съ „шипучимъ шампанскимъ безъ алкоголя".

Когда же въ щель, изъ замурованнаго типографскаго царства проскочитъ къ намъ свѣже-оттиснутая художественная книга и вспѣнитъ сѣрый міръ комиссаріатскихъ брошюръ и книжекъ—мы знаемъ: это лишь обманъ глазъ, это—новинка состарившаяся раньше выхода, поплатившаяся всѣми боками за то, что проскочила изъ подваловъ къ намъ въ жизнь. Мѣсяцамъ ея лежанія у наборныхъ кассъ—нѣтъ числа, и не спрашивайте, сколько времени она была въ машинѣ. Живой крови въ ней осталось немного. Это—книга запоздавшая родиться, такая же, какъ еще нѣсколько, все—книги не по времени. Никогда еще такъ ясно не чувствовалъ я на книгѣ теченіе ея жизни и судебъ, какъ теперь на этихъ несчастныхъ; вотъ онѣ, не по сезону и не по мѣсту расцвѣченныя, вышедшія въ путь въ иныя времена, въ задорѣ и молодости, считавшія себя очень нужными, ставив-

шія какія-то важныя по тому времени проблемы, спѣшившія сказать свое слово, — а нынѣ до насъ добравшіяся, точно убитый женихъ на свадьбу прежней невѣсты, тусклыми выходцами изъ царства тѣней, вторично рожденными, „съ печатью загробнаго міра на челѣ“.

Приглядитесь къ нимъ: молодые старички, худосочные и словно бы недодѣланные, несвоевременные, почти ненужные,—жестче сказать, не имѣющіе права на жизнь. Ибо сейчасъ люто свирѣпствуетъ законъ обратныхъ отношеній: чѣмъ мѣтче цѣлила книга въ художественную современность, чѣмъ острѣе была она замышлена,—тѣмъ охлажденнѣе и прѣснѣе она воспринимается сейчасъ. Пока она писалась и мытарилась въ типографіяхъ,—время ушло далеко впередъ и насмѣшливо скалитъ зубы. Перелистываешь и вскипаешь: что за проклятіе! кому нужна эта остывшая третьегодняшняя пища, и что хорошаго можно сказать жадному лицу автора, незримо, но тягостно нависшему у васъ надъ плечомъ въ ожиданіи вашихъ сужденій и оцѣнокъ. Въ такія времена, какъ теперь, развѣ мы не правы, когда заявляемъ о готовности принять лишь книгу на очень академическія темы? Спуститься поглубже въ старое искусство, плѣниться пылью раскопокъ наслѣдія забытыхъ мастеровъ, это—именно то, что сейчасъ, въ грозу и непогоду, терпимо, хотя бы по контрасту, хотя бы по тому, что время здѣсь не властно, по давней формулѣ, не потерявшей обаянія: „Tout passe. L'art robuste seul...“ etc. Но что дѣлать, когда самолюбивый авторъ подступаетъ къ намъ съ проблемами, протащенными изъ вчерашняго далека, и спрашиваетъ, что мы думаемъ объ его домыслахъ на ихъ счетъ.

— Что мы думаемъ? Мы думаемъ, что совершенно невыносимо, сквозь грохотъ и ревъ проносящихся революцій и міровыхъ катастрофъ, выслушивать преподнесенныя намъ въ качествѣ дѣйственнаго матеріала, смѣшныя въ своей настойчивости, почти назойливости, эти критики и антикритики, извлеченныя изъ вчерашнихъ архивовъ, — что невѣроятные двадцать четыре часа, протекшихъ съ минувшаго дня, старятъ насъ сразу чуть-ли не на десятилѣтіе, и что вмѣсто голоса настойчиваго автора мы различаемъ только тонкій придавленный пискъ въ щель, менѣе всего обладающій тѣми свойствами авторитетности, громкости и важности, на которыя притязаетъ создатель вчерашней книги.

*

Вотъ примѣръ: Андрей Левинсонъ! Онъ особенно потерпѣлъ сейчасъ отъ злости времени въ своемъ „Старомъ и новомъ балетѣ“. Среди небольшой стопки появившихся художественныхъ книгъ, его томикъ больше всего свялъ и обезцвѣтился. Я тѣмъ болѣе сочувствую ему, что онъ всегда любилъ опережать на полъ-шага общіе интересы и вкусы. Но, по справедливости, въ своей бѣдѣ онъ виноватъ самъ столько же, сколько злой книжный рокъ. Не будь даже нынѣшней стремительности и гонки у машины времени, живи мы въ обычные размѣренные и неспѣшные дни,—такъ ли ужъ многимъ нужнѣе оказалась бы его книга? Что за злосчастная мысль преподнести намъ, въ обличьи книги, журнальныя статьи и газетныя замѣтки, на которыхъ лежитъ непоколебленная восьмилѣтняя пыль? Какой автопіететъ надо имѣть, чтобы не подвергнуть ихъ чисткѣ и переработкѣ, не взнуздать повышеннаго тона, не придать устойчивости бѣглой аргументаціи, даже не оглянуться на итоги почти десятилѣтія? Коллекція невыправленныхъ статей 1911—1913 года—право же намъ простительно, если мы нѣсколько веселѣе, чѣмъ слѣдуетъ, читаемъ ихъ второе изданіе. Какъ не улыбнуться, видя что авторъ все еще считаетъ отважными и злободневными свои прежніе темпераментные выпады противъ Айседоры Дунканъ,—и кропотливую полемику съ далькрозизмомъ кн. Волконскаго,—и непритушенныя филиппики по адресу парижскихъ постановокъ Фокина—Дягилева. Въ книжкѣ всюду такъ и значится: „не давно“, „только-что“,—и эти „недавно“ стоятъ въ статьяхъ одиннадцатаго — тринадцатаго года, отсылая насъ къ временамѣ 1910—12: подумайте—за четыре года до начала великой войны, за восьмилѣтіе до большевистскаго coup d'etat. Какіе же читатели мыслились Левинсону?

Я не придирчивъ. Я недоумѣваю, какъ писатель хорошей книжной культуры и доказанной эстетической зоркости могъ выдать въ свѣтъ такую странную книжку. Что-то произошло съ нимъ, если онъ считаетъ достаточнымъ поставить надъ заглавіями старыхъ статей слова: „глава первая“, „глава вторая“ и т. д.—и думаетъ такимъ путемъ получить книгу? Или: развѣ объяснима репродукціонная часть изданія? Въ то время, какъ старая критическая полемика предполагается дѣйственной и сохраняется въ первопечатной точности,—иллюстраціи подбираются безотносительно къ тексту, тревожа все, чѣмъ богаты по части танца запасы автора. Тутъ что-нибудь да не такъ! Мелькаютъ литографіи Домье и Лотрека, рисунки Карпо, Гиса, Родена, картины Ренуара, Манэ, Дега, reliefs en creux Египта, барельефы Эллады, но нѣтъ ни одного воспроизведенія съ постановокъ Бенуа, Головина, Бакста, Рериха, которыя такъ подробно, на рядѣ страницъ, и лирически описываются авторомъ. Въ чемъ дѣло? Да все въ томъ же опереженіи на полъ-шага общихъ вкусовъ: Левинсонъ считаетъ подобныя воспроизведенія общеизвѣстныхъ вещей „неумѣстными“. О, если такъ, ему надо было той же мѣрой мѣрить и свой текстъ,—вѣроятно, тогда „Старый и новый балетъ“ вовсе не увидѣлъ бы свѣта!

*

Я остановился на Левинсоновской книжкѣ въ первую очередь, такъ какъ ея бѣдная судьба примѣрна для текущихъ дней. Давленію событій приходится противопоставить болѣе прочный книжный остовъ и болѣе подвижную эстетическую мысль, нежели это дѣлается у насъ сейчасъ. Только тогда споры со временемъ и его теперешней фантастической стремительностью будутъ успѣшны для судебъ художественной книги. Это не догматика, а выводъ изъ наблюденій. Я убѣждаюсь, что нѣтъ темы и нѣтъ художника изъ числа тѣхъ, что были злободневными вчера, которыхъ можно было бы сейчасъ пустить въ свѣтъ по этимъ вчерашнимъ нормамъ, какъ бы устойчивы ни казались вчерашніе посылки и выводы. Вотъ прекрасное второе изданіе „Ноа—Ноа“: тотъ же тщательный переводъ этого „Евангелія отъ Гогена“, та же заботливая внѣшность, и та же вдумчивая и тонкая вступительная статья Тугендхольда, лучшаго у насъ знатока и апологета новѣйшаго французскаго искусства. Но между первымъ и вторымъ изданіемъ прошло около пятилѣтія; тогда въ начальной строкѣ значилось „Исполнилось десять лѣтъ со дня смерти“ и т. д. Теперь стоитъ: „исполнилось пятнадцать лѣтъ со дня смерти“... и это все, почти все, что измѣнено въ статьѣ,—нѣсколько вставокъ Тугендхольда не вносятъ перемѣнъ въ часть книги самую важную для живого искусствопониманія, — въ тему: „Мы и Гогенъ“. Опять эти закрытые глаза вчерашняго дня!—мы вспоминаемъ, а не переживаемъ заново,—повторяемъ прежнія слова, а не откликаемся, не измѣряемъ даже черезъ пятилѣтіе нашего отношенія къ художнику, который тогда былъ намъ учителемъ и мнился канономъ революціонной живописи, а теперь сталъ дорогимъ, но уже музейнымъ мастеромъ.

Тогда намъ нужна была тугендхольдовская апологія и клятвы гогеновымъ именемъ, а теперь намъ нужна ретроспективная оцѣнка и выясненіе, чѣмъ еще связаны мы съ Гогеномъ въ живомъ движеніи искусства, и связаны ли? Развѣ не такъ? Развѣ возлѣ Гогена, въ

щукинской галлереѣ, нашимъ первымъ душевнымъ движенiемъ не бываетъ теперь изумленiе, что Гогенъ,—„нашъ Гогенъ"!—такъ **теменъ** и **такъ академиченъ**, и развѣ, въ раздумьѣ о немъ, мы теперь уже не ищемъ прежде всего связей Гогена съ **прошлымъ**, съ академической линiей его предшественниковъ, а не съ нами, съ послѣдователями, какъ раньше. И, конечно, на эти вопросы должна была во второмъ изданiи отвѣтить вступительная статья Тугендхольда прежде всего, подчеркнувъ, выдѣливъ новые пункты темы, такъ же какъ, опять-таки, совершенно новую эстетическую схему статьи мыслю я обязательной для третьяго изданiя, если оно будетъ осуществляться черезъ нѣсколько лѣтъ.

*

Есть, конечно, другой прiемъ забронировать современнаго мастера, о которомъ пишешь, отъ такой смѣны воззрѣнiй и вкусовъ и отъ необходимости считаться съ живой текучестью художественно-критической мысли. Это достигается тѣмъ, что авторъ пытается сразу же взять историческiй масштабъ и тонъ. „Нѣтъ современности, есть лишь прошлое",—какъ только художникъ положилъ кисть, его работа уже добыча исторiи и историческихъ сужденiй. Критикъ и изслѣдователь забирается на такiя схематическiя высоты, откуда все живое искусство кажется музейнымъ, устоявшимся, почти окостѣневшимъ. Роденъ тогда изслѣдуется тѣмъ же душевнымъ строемъ и тѣми же эпическими мѣрилами, какъ, скажемъ, Гудонъ. Изъ современнаго мастера изъемлется, такъ сказать, вся его жизненная динамика, онъ бальзамируется, и въ такомъ мумеобразномъ состоянiи подвергается историко-художественному анализу.

Происходитъ, такимъ образомъ, обратный процессъ, въ то время, какъ прошлое, дѣйствительно прошлое искусство, непрерывно пересматривается нами въ цѣляхъ отысканiя его живыхъ нервныхъ узловъ, которые заставили бы его забиться для насъ живымъ нынѣшнимъ трепетомъ и связали бы его съ самыми что ни на есть острыми опытами молодого искусства, можетъ быть, ненадежными въ своемъ историческомъ значенiи, но страшно дѣйствительными въ своей эмоцiональной силѣ.—въ это самое время искатели непоколебимыхъ, „бронированныхъ точекъ зрѣнiя" и оцѣнокъ пытаются чуть ли не археологизировать наиболѣе спорныя эстетическiя явленiя и наиболѣе сложныя художественныя фигуры современности, лишь бы спастись отъ „импрессiонистскихъ ошибокъ художественной критики". Они говорятъ о specie aeterni—tatis. Что же,—кто станетъ возражать противъ „горизонтовъ вѣчности"? Но есть мѣрила и мѣрила, и не предпочтемъ ли мы отказаться отъ всякой устойчивости и плыть по живой зыби оцѣнокъ современности, мѣняя изъ пятилѣтiя въ пятилѣтiе критерiи и выводы, нежели принять за species aeterni tatis домыслы какого-нибудь современнаго Kunstforscher'a, ничуть не болѣе связаннаго съ „вѣчностью" и имѣющаго право претендовать говорить отъ ея имени, чѣмъ все и вся вокругъ него? При такихъ претензiяхъ автору гарантированы лишь двѣ убiйственныхъ вещи: непоколебимости оцѣнки не достигается и въ поминѣ, а ароматъ искусства, тонкая пыльца его окраски, выдыхается и стирается.

Было бы совершенно незаслуженно, если бы я сказалъ, что все это полностью можно приложить къ небольшой книжкѣ А. Сидорова о Роденѣ. Я говорилъ о крайнемъ типѣ, а „бронирующiе" прiемы Сидорова довольно умѣрены. Сидоровъ знаетъ объ опасностяхъ бальзамированiя искусства, хоть и не всегда помнитъ о нихъ. Но все-таки несомнѣнно, что его тяготѣнiе къ историзирующимъ методамъ оцѣнки Родена такъ сильно, что ежели мы, читая, отмѣчаемъ нѣкоторую мертвенность и схематизмъ его очерка, ежели мы говоримъ, что Сидоровъ не нашелъ для Родена „нужныхъ словъ", то это цѣликомъ, въ полной мѣрѣ, приходится отнести къ попыткамъ забраться для оцѣнокъ на спину вѣчности. Омертвить Родена—это не шутка, и лучше уже любителю историческихъ мѣрилъ сразу сказать „ignoramus" и вовсе отказаться отъ темы, лучше изойти потокомъ лирики на тему: „Роденъ и моя душа"—даже это будетъ доброкачественнѣе, нежели „фiалки в тигелѣ", какъ—помните!—когда-то писалъ по аналогичному поводу молодой Брюсовъ въ „Вѣсахъ".

*

Въ сущности говоря, все дѣло въ тактѣ. Ни одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ субъективистовъ и импрессiонистовъ художественной критики не откажется нынѣ отъ постановки объективной „проблемы формы", и разбирая творчество наисовременнѣйшаго автора, не преминетъ условно прикинуть на историческую мѣрку достоинства и свойства своего героя и его произведенiй. Какъ и наоборотъ, — историкъ искусства теперь обычно ставитъ вопросъ о живыхъ соприкосновенiяхъ изслѣдуемаго художественнаго явленiя прошлаго съ современностью и переноситъ туда, въ старину, горячность и пульсированiе, заимствованные у сегодняшняго дня. Повторяю, все дѣло въ тактѣ, въ претензiяхъ и прiемахъ автора. И веселая археологiя, — археологическое изслѣдованiе, утонувшее въ лирикѣ авторскихъ восторговъ, такъ же не въ стилѣ предмета, какъ археологизированная современность.

Веселая археологiя... Съ тѣми же оговорками, какiя я сдѣлалъ объ очеркѣ Сидорова, я могу взять, въ качествѣ ея примѣра, томъ Н. Макаренки: „У Соли Вычегодской". У автора почтенное имя въ своей области; для изслѣдованiя художественно-археологической старины сѣвера Россiи онъ много поѣздилъ, много поработалъ. По ученому своему складу, по писательской натурѣ, онъ—археологъ и только археологъ. Однако онъ знаетъ, что есть въ нынѣшнемъ кодексѣ людей искусства параграфъ, или фраза, о „живомъ отношенiи къ искусству" и вотъ, вопреки своей натурѣ, стилю и предмету, рѣшился онъ дать это „живое отношенiе" въ своей книгѣ,—и ввелъ въ нее тотъ специфическiй паѳосъ, требующiй славянскихъ оборотовъ рѣчи, и то особое живописанiе чувствъ, по которымъ безошибочно узнаемъ мы „краснорѣчiе поневолѣ". И этимъ почти загубилъ книгу. Лирика, какъ пестрая заплата круглится на каждой страницѣ и вдругъ перебрасывая къ строгому, освѣдомленному и дѣльному археологическому описанiю предметовъ старины, точно кидаетъ читателя съ ухаба на ухабъ. Въ такихъ условiяхъ путешествiе по книгѣ становится не изъ прiятныхъ—это въ читательскомъ смыслѣ,—а въ художественно-научномъ приходится каждую страницу расковыривать и очищать отъ лирико-описательной коры, чтобы добраться до фактовъ и свѣдѣнiй. А казалось бы такъ ясно, что именно на этихъ фактахъ и свѣдѣнiяхъ долженъ былъ „археологически" сосредоточиться Макаренко. Сумѣлъ же онъ **такъ** именно составить, напримѣръ, отличный путеводитель по археологическимъ заламъ Эрмитажа! Впрочемъ здѣсь ему не было ни повода, ни простора для веселой археологiи; но зато въ первомъ же выпускѣ, посвященномъ путешествiю по нашему сѣверу,—въ „Бѣлозерскомъ краѣ" вышедшемъ еще до войны,—уже были изрядныя доли этого самаго лирическаго матерiала; въ нынѣшнемъ томѣ онѣ лишь преемственно распухли и выросли.

(*Окончанiе въ слѣдующемъ номерѣ*).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА

Война и революція, естественно, въ очень сильной степени отразились на мірѣ московскихъ коллекціонеровъ и библіофиловъ и въ рядахъ ихъ произвели не одну глубокую брешь. За покойными Мосоловымъ, Зубаловымъ, Оболяниновымъ, Мироновымъ и Ульянинскимъ, безвременно сошедшими въ могилу въ эти тяжелые и бурные годы, недавно послѣдовалъ Сергѣй Петровичъ Виноградовъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской иконографіи и тѣсно съ ней связанной русской гравюры. Для всѣхъ тѣхъ, кто работаетъ въ данной области и ею интересуется, исчезновеніе Сергѣя Петровича съ московскаго горизонта, несомнѣнно, является чувствительной потерей. Ибо кто не прибѣгалъ къ его совѣтамъ и указаніямъ, кто не пользовался его исключительнымъ знаніемъ предмета?

Литературное наслѣдіе покойнаго Виноградова довольно обильно. Кромѣ ряда журнальныхъ статей и замѣтокъ, да монографій о граверѣ Пожалостинѣ и изданныхъ Н. П. Бекетовымъ портретахъ, мы ему обязаны капитальнымъ четырехтомнымъ каталогомъ собранія гравированныхъ и литогравированныхъ русскихъ портретовъ А. В. Морозова, равно редакціей незаконченнаго еще „Словаря русскихъ литографированныхъ портретовъ“, издаваемаго В. Я. Адарюковымъ.

Судьба цѣнной виноградовской коллекціи портретовъ пока еще не опредѣлилась.

Организованный Трудовымъ Кооперативнымъ Товариществомъ въ Петроградѣ, по инициативѣ М. И. Рославлева, „Институтъ художественно-научной экспертизы“ развиваетъ очень энергичную дѣятельность. Основная задача новаго учрежденія, во главѣ котораго стоятъ художники А. Н. Бенуа, Бразъ, Гаушъ, Добужинскій и Чехонинъ, архитектора Ильинъ, Г. Лукомскій, Рославлевъ и Ѳоминъ, равно деятели и историки искусства Адарюковъ, В. Верещагинъ, Вейнеръ и В. Лукомскій,—давать строго научныя экспертизы произведеній и искусства вмѣстѣ съ опредѣленіемъ ихъ матеріальной цѣнности. При Институтѣ, предполагающемъ издать свой собственный журналъ „Хранитель“, уже функціонируетъ мастерская для реставраціи картинъ подъ руководствомъ Браза, а въ дальнѣйшемъ откроются аналогичныя мастерскія для реставраціи мебели, бронзы, фарфора и т. п. Послѣ двухъ первыхъ показательныхъ выставокъ старинной русской финифти и мѣди, равно стараго китайскаго и японскаго искусства, Институтъ теперь устраиваетъ въ своемъ роскошномъ помѣщеніи (20, Моховая), выставку русскихъ книжныхъ знаковъ, для которой готовится иллюстрированный каталогъ. Кромѣ того, въ началѣ текущаго мѣсяца при Институтѣ открылись краткіе курсы по изученію прикладныхъ искусствъ, на слѣдующія темы: „Эволюція стилей“ (Курбатовъ), „Прикладное искусство въ древности“ (Эйснеръ), „Техника живописи“ (Бразъ), „Гравюра“ (Адарюковъ), „Бронза“ (Мурзановъ), „Фарфоръ“ (Чехонинъ), „Предметы изъ мѣди“ (М. Н. Михайловъ), „Западная мебель“ (Якобій), „Русская мебель“ (Ѳоминъ).

Московскій „Союзъ Художниковъ Гравюры“ (Согравъ) предполагаетъ устроить свою нынѣшнюю годичную выставку въ верхнемъ этажѣ Пролетарскаго Музея на Б. Дмитровкѣ (бывш. д. Леве), гдѣ въ настоящее время размѣщены картины современныхъ русскихъ художниковъ. Несмотря на революціонное время, почти у всѣхъ московскихъ графиковъ имѣется для этой выставки рядъ новыхъ работъ.

В. Н. Масютинъ готовитъ интересное изданіе, въ которомъ онъ, наряду съ давно признаннымъ художникомъ-граверомъ, впервые выступитъ и въ качествѣ беллетриста. Имъ написанъ довольно объемистый разсказъ подъ заглавіемъ „Принцесса Нефретъ“, гдѣ реальная современность фантастически переплетена съ міромъ древняго Египта. Первоначально эта тема была разработана Масютинымъ въ видѣ сценарія для кинематографа, но постепенно она стала выливаться въ беллетристическую форму. Авторъ-художникъ для своего литературнаго первенца создалъ множество иллюстрацій и книжныхъ украшеній, сплошь рѣзанныхъ по дереву и отличающихся большой декоративностью.

Въ издательствѣ М. и С. Сабашниковыхъ намѣченъ къ выпуску альбомъ видовъ Москвы, исполненныхъ В. А. Фаворскимъ гравюрой по дереву.

Р. Е.

Къ рисункамъ, помѣщ. въ этомъ номерѣ: заставки на стр. 1 („Москва“), 4, 7, 13, концовка на стр. 7 и заглавныя надписи—худ. Д. Митрохина. Концовка на стр. 2—худ. В. Замирайло. Концовка на стр. 3—худ. С. Чехонина. Заставка на стр. 3—худ. И. Нивинскаго. Гравюры печатаны непосредственно съ дерева и линолеума.

Изд. Книгоиздательство „Творчество“

Редакторъ С. Абрамовъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ:
Москва, Б. Чернышевскій пер., д. 12.
Книгоиздательство „ТВОРЧЕСТВО“
Пріемъ по дѣламъ редакціи
отъ 5—6 ч. вечера.
Телефонъ 2-53-76.

Типографія „Продпуть“. Москва. Яузскій мостъ, Сереб. наб., д. 23-а